ЧАСТНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ «СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ КОЛЛЕДЖ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ»

ЛЕКЦИЯ 4. ТЕМА 1.4. И.А. ГОНЧАРОВ. СВЕДЕНИЯ ИЗ БИОГРАФИИ. РОМАН «ОБЛОМОВ» - ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ РОССИИ (ОБЗОР)

Художественный мир И. А. Гончарова

Иван Александрович Гончаров (1812–1891) принадлежит к старшему поколению русских писателей-реалистов наряду с Тургеневым, Достоевским и Герценом. Он родился в Симбирске в купеческой семье, получил домашнее образование, обучался в Московском коммерческом училище, а затем на словесном отделении философского факультета Московского университета (окончил в 1834 году). Большую часть жизни состоял на государственной службе: работал в департаменте внешней торговли, занимал пост цензора, в 1860-е годы редактировал официальный орган «Почтово-телеграфный журнал», был членом Петербургской академии наук по разряду изящной словесности. В 1852–1854 годах в должности секретаря адмирала Е. В. Путятина участвовал в кругосветной экспедиции; её итогом стала книга очерков «Фрегат „Паллада“» (1855–1857), своеобразный художественный дневник путешествия.

В историю русской литературы Гончаров вошёл, прежде всего, как создатель трилогии романов о «новом человеке» своего времени: «Обыкновенная история» (1847), «Обломов» (1859) и «Обрыв» (1869). Трилогия объединена сквозной проблематикой: столкновение «романтической» натуры, склонной к мечтательности и лени, с трезвой, деятельной натурой прагматика. В первой книге пара «Адуев — Адуев» («романтик» и «делец») предвосхищает центральное противостояние «Обломова»; в третьей книге-романе спор между мечтательным Райским и практическими персонажами получает новый поворот. Таким образом, романы Гончарова образуют цикл, в котором эволюционирует и сюжетная формула, и тип героя.

Художественный мир Гончарова характеризуется несколькими устойчивыми чертами. Во-первых, это **типизация «среднего человека»**: писатель сознательно отказывается от исключительных страстей и изображает героя как обобщённый тип эпохи. Во-вторых, — **объективность авторской позиции**: Гончаров тщательно устраняет прямое авторское вмешательство, доводя принцип объективного изображения до методической последовательности (об этом свидетельствуют и его собственные программные статьи, например, «Лучше поздно, чем никогда» и «По поводу критики»). В-третьих, — **инерционность сюжетного времени**: события в его романах совершаются медленно, герои проживают не «переломные» судьбы, а длительные состояния; темпоральная структура повествования ориентирована на повторяемость жизненных циклов. Наконец, важнейшей особенностью является **изображение объективной реальности как «порядка вещей»**: быт, интерьер, пейзаж, климат и даже тип явлений (праздничная суета, сезонность трудовых ритмов) приобретают у Гончарова значение социальных и философских категорий. Именно поэтому реализм Гончарова справедливо называют «объективным», «статичным» романом, созвучным натурфилософии и традициям «тургеневского» направления.

Роман «Обломов»: история создания и место в литературном процессе

Замысел «Обломова» возник в конце 1840-х годов: в 1849 году Гончаров опубликовал в «Литературном сборнике» центральный фрагмент будущего романа — главу «Сон Обломова» с подзаголовком «Эпизод из неоконченного романа». Работа над текстом продолжалась более десяти лет: роман был завершён к 1858 году (окончательная редакция — за границей, в Мариенбаде) и впервые напечатан в 1859 году в первых четырёх номерах журнала «Отечественные записки».

По жанровой природе «Обломов» — социально-психологический роман; его действие разворачивается в Петербурге 1850-х годов (а в ретроспективных главах — в дворянской усадьбе Обломовке) и охватывает примерно четыре года жизни героя. Композиция романа включает четыре части, которые соотносятся с временами года: действие завершается

летом — это придаёт сюжету кольцевой характер и мотивирует медленное, «природное» течение времени. Роман строится как система контрастов и параллелей: столица — провинция, Петербургская квартира на Гороховой — Выборгская сторона и Обломовка, «мечта» — «деятельность», Илья Ильич Обломов — Андрей Штольц, Ольга Ильинская — Агафья Пшеницына. Символическую параллель образуют и слуги: Захар — Алексей, слуга Штольца.

В современном роману критическом контексте «Обломов» был прочитан как книга о **конце дворянской «бездеятельности» и о назревающей смене социального типа**: публика 1859 года восприняла роман не как частную историю, а как диагноз эпохе. Показательно, что уже сам Гончаров в романе ввёл нарицательное понятие «обломовщина», а Н. А. Добролюбов в 1859 году придал ему статус литературно-критического термина.

Обломов в системе художественных образов романа. Сопоставление со Штольцем

Илья Ильич Обломов — «хозяин» петербургской квартиры на Гороховой, 35-летний помещик, живущий, как подчёркивается в экспозиции, «на честном слове» крепостного хозяйства. Художественное своеобразие образа создаётся целым рядом приёмов: детализированный портрет (мягкость тела, «апатия», «сонливость» как телесные знаки духовного состояния), интерьер как портрет героя (описание квартиры открывает роман и становится важнейшей характеристикой Обломова), сцена пробуждения как метафора несостоявшегося подъёма души, параллелизм «двойник — слуга» (Захар, воплощающий в грубоватой форме ту же психологию «недеятельности», что и господин), хронотоп сна и постели.

Обломов показан в системе **двойных и тройных сопоставлений**: с Захаром (хозяин и слуга как две стороны одной психологии), с Штольцем (антитеза), с Ольгой Ильинской и Агафьей Пшеницыной (два идеала женственности и, соответственно, два типа любви: возвышенная — «любовь как миссия» и приземлённая — «любовь как дом»). Такой композиционный приём позволяет рассматривать Обломова не изолированно, а как узел системы персонажей, в которой каждая фигура «отсекает» один из возможных вариантов его судьбы.

Андрей Штольц — антипод Обломова, «немецкая» половина которого реализуется в трудолюбии, рационализме и активизме. Показательно, что автор придаёт Штольцу двойную этническую родословную: отец-немец, мать-русская. Штольц — проводник «европейского» типа деятельности: он путешествует, ведёт дела, не останавливается перед риском. Однако сам образ Штольца сложнее плакатного «дельца»: Гончаров намеренно оставляет его биографию «недорисованной», лишает романтического интрига-катализатора; Штольц выступает не как «победитель» Обломова, «вторая половина», необходимая для постановки центрального вопроса романа: способна ли деятельная натура сохранить человеческое, или прогресс оборачивается потерей души? Показательно, что Штольц сам признаёт в Обломове «честное, верное сердце» и в финале романа, забирая Андрюшу — сына Обломова, — как бы принимает в себя его наследство.

Ольга Ильинская — «деятельная» героиня, для которой любовь к Обломову превращается в воспитательный эксперимент: она пытается «оздоровить» Илью Ильича, вернуть его в активную жизнь (музыка, чтение, проект усадьбы). Поражение Ольги в этом предприятии — важнейший узел романа: оно демонстрирует, что обломовщина не внешняя привычка, а глубокое свойство натуры, не поддающееся рациональной коррекции. **Агафья Пшеницына**, напротив, не стремится «переделать» Обломова: она создаёт для него «Обломовку» на Выборгской стороне, восстанавливая идиллический, замкнутый мир. Смерть героя в этом «втором» Обломовке-мире — закономерный итог выбранного пути.

«Сон Обломова»: место в композиции и сюжете

«Сон Обломова» — девятая глава первой части романа, имеющая в тексте самостоятельное заглавие. Первоначально, в 1849 году, Гончаров опубликовал её отдельно

как «увертюру всего романа». В окончательной композиции глава выполняет функцию **глубинной экспозиции**: первые восемь глав показывают «настоящее» героя — его быт, апатию, страх перед переменами; глава-сон отодвигает действие назад, в детство, и раскрывает **причины** обломовщины.

Художественная функция сна многопланова. Во-первых, он объясняет психологию героя: детство в Обломовке с её атмосферой лени, «сонного царства», обрядового мира и оберегающей материнской заботы формирует у ребёнка страх перед жизнью как перед опасной, враждебной территорией. Во-вторых, сон осуществляет переход от реалистического бытового плана к плану условно-мифологическому: Обломовка изображена как «благословенный уголок», где человек «как в раю» — эта идиллия опирается на фольклорные и библейские мотивы, а лейтмотив сна пронизывает и последующие части романа (сцены сновидческие состояния героя). В-третьих, сон мотивирует сюжетную развязку: потребность в «вечной Обломовке» реализуется в финале в Выборгской стороне — герой буквально «возвращается» в детство, в материнский дом, Пшеницыной.

Композиционно «Сон Обломова» расположен в первой части, но выполняет роль смыслово-доминирующей главы: Гончаров писал, что с него «начинается… весь роман». Именно поэтому в критике утвердилось представление о сне как о «ключе» к роману.

Обломовка, обломовцы, обломовщина

Обломовка — патриархальная дворянская усадьба, изображённая в «Сне Обломова» и позднее, в четырнадцатой главе первой части (воспоминания Обломова и рассказ Штольца). Обломовка описывается как мир, живущий по законам «вечного праздника»: годовой круг календарных обрядов, труд-игра, отсутствие горизонтальных связей с внешним миром, культ еды и сна. Обломовка — своеобразная антиутопия «застоя», в которой человек не развивается, но и не страдает.

Термин **«обломовщина»** впервые звучит в самом романе (его употребляет Штольц в разговоре с Обломовым), однако превращается в литературно-критическое понятие в статье Н. А. Добролюбова «Что такое обломовщина?» (1859, «Современник»). Добролюбов трактует обломовщину как **социально-историческую категорию**: это не индивидуальная лень, а продукт русского крепостничества и дворянской «сверх образованности» без дела; Обломов становится последним в ряду «лишних людей» — после Онегина, Печорина, Рудина. Своеобразие Гончарова, по Добролюбову, состоит в том, что он «не ограничился» психологией героя, а показал **среду, породившую его**; в этом Добролюбов усматривает заслугу романа перед русским реализмом.

Важно отметить, что понятие обломовщины имеет в романе двойной смысл. С одной стороны, это синоним апатии, паразитизма, социальной пассивности. С другой стороны, Гончаров показывает и **обратную сторону**: чистоту, бескорыстность, «голубиную» нежность души, способность к бескорыстной дружбе, недоверие к фальши и расчёту. Столкновение этих двух планов — внешне осуждаемой пассивности и внутренне цельной человечности — составляет философскую глубину романа и делает обломовщину категорией не только социально-бытовой, но и этической, а отчасти и метафизической.

Авторский «приговор» идеалам главного героя

Проблема авторской оценки в «Обломове» требует точности. Прямой декларативный приговор — не метод Гончарова; однако вся композиция романа выстроена как система испытаний, в которых идеалы Обломова последовательно проверяются жизнью — и последовательно проигрывают.

Первое испытание — **любовь**: попытка Обломова строить отношения с Ольгой на основе «возвышенной мечты» терпит крах; героям не удаётся совместить «поэзию» и «прозу» жизни. Второе испытание — **деятельность**: все проекты Обломова (план управления имением, предполагаемое преобразование усадьбы) остаются «бумажными»; сам герой не способен пересечь границу между мечтой и поступком. Третье испытание

— **быт**: «Обломовка» на Выборгской стороне, созданная усилиями Пшеницыной, воспроизводит замкнутый мир сна; герой оказывается в нём физически и духовно изолированным, и эта изоляция приводит к болезни и смерти. Финал — смерть Обломова — не «случайный» элемент сюжета: он закономерен и выступает как сюжетное воплощение приговора, вынесенного жизнью.

Вместе с тем **приговор Гончарова не сводится к простому осуждению**. Роман построен так, что «мир Обломова» сохраняет эстетическую и нравственную привлекательность: идиллия Обломовки, чистота души героя, его неспособность к вранью и предательству изображаются с явной симпатией. Показателен и финальный жест Штольца, берущего на воспитание сына Обломова, и горестная «прощальная» оценка памяти Ильи Ильича. Одновременно «мир Штольца» лишён романтической убедительности: деятельный антипод не получает в романе психологического развития, его «победа» остаётся формальной. Тем самым авторская позиция приобретает **амбивалентный характер**: обломовщина как социальный и исторический феномен отвергнута, однако ценности «обломовского» мира — цельность, доброта, человечность — не отменены, а лишь поставлены под вопрос. Такая двойственность оценки и обеспечила роману длительную литературную жизнь: «Обломов» читается сегодня не только как приговор эпохе, но и как вечная постановка вопроса о цене деятельности и цене бездеятельности в человеческой жизни.